

КАТЕГОРИЯ ТЕЛЕСНОСТИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ «ПРАВЕДНИКА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ Н. С. ЛЕСКОВА

Рассматривается понятие «праведничества» в произведениях Н. С. Лескова с точки зрения художественной антропологии. На материале рассказа «Дама и фефёла» анализируется категория телесности в ее художественно-антропологическом и поэтологическом аспектах.

Ключевые слова: образ человека, телесность, «праведник», этическая программа.

Обращаясь к вопросу о художественно-антропологическом аспекте творчества Н. С. Лескова, мы сталкиваемся с необходимостью рассмотреть отраженный в его поэтике взгляд на человека с философско-этических позиций. Это, в свою очередь, предполагает изучение созданных писателем образов-характеров с точки зрения их нравственных принципов, выявление тех черт личности, которые представляются автору первичными в структуре человеческого существа. Закономерно, что наибольшее внимание мы будем уделять персонажам, нравственно-этические убеждения которых сопровождаются авторской оценкой, особенно если данная оценка положительная. Это обусловлено тем, что, сопоставляя положительные характеры, мы можем реконструировать тип «идеального» человека в авторском представлении, позитивный образ, который он стремится донести до читателя в качестве этической программы.

Художественная антропология Н. С. Лескова соотносится с общественно-философскими исканиями эпохи 1870–1890-х гг. Н. С. Лесков творил одновременно с Ф. М. Достоевским и И. С. Тургеневым, состоял в переписке с Л. Н. Толстым. Литературовед И. П. Видуэцкая находит сближающий поиски Достоевского и Лескова тезис о необходимости для человеческой природы стрем-

ления к совершенству [1995]. Та же мысль была высказана в свое время Л. Н. Толстым. В статье «Гр. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи: религия страха и религия любви» Н. С. Лесков замечает: «... пока мы живем и мир стоит, мы можем и должны всеми зависящими от нас средствами увеличивать сумму добра в себе и кругом себя»; «Само христианство было бы тщетным и бесполезным, если бы оно не содействовало умножению в людях добра, правды и мира» (цит. по: [Тюхова, 1993. С. 43]).

Именно в «увеличении суммы добра в себе и кругом себя» писатель видит основу прогресса. Лесков создает целую галерею образов, которые живут в соответствии с принципами высокой нравственности, постоянно самосовершенствуясь. К таким персонажам относятся лесковские «праведники».

Сам Лесков в прижизненном собрании сочинений (1889–1890 гг.) объединяет в тематическую группу «Праведники» следующие произведения: «Одному» (1879), «Пигмей» (1876), «Кадетский монастырь» (1880), «Русский демократ в Польше» (1880), «Несмертельный Голован» (1880), «Инженеры-бессребреники» (1887), «Левша» (1881), «Очарованный странник» (1873), «Человек на часах» (1887) и «Шерамур» (1880). Глав-

ные действующие лица этих произведений представляют собой личности необычные, «неимоверные», по словам самого автора. Их поступки удивительны, нетипичны, интересны. «Праведники» Лескова – люди довольно разные, и изображает их автор по-разному. Некоторые характеры показаны им в развитии, на своем пути к праведничеству («Очарованный странник», «Инженеры-бессребренники»), другие даны уже сформировавшимися («Несмертельный Голован»), а инстинкт добра у некоторых «праведников» описывается в ситуации мгновенного выбора («Человек на часах»).

При таком разнообразии характеров естественно возникает вопрос о философии человека, объединяющей лесковских «праведников». Известно, что Лесков создал также образы «праведников», рассказы о которых не вошли в прижизненный сборник.

Тема «праведника» получила широкое освещение в современном литературоведении (см.: [Коньшев, 1988; Горелов, 1988; Видуэцкая, 1988; Аннинский, 1988] и др.). Характерологическими чертами лесковского «праведника» общепризнанно являются: «нравственно-самобытный цельный характер», требование долга, «слитое» с влечением к добру (Е. М. Коньшев); отсутствие в даже самых тяжелых обстоятельствах «нравственной муки раздвоения помысла и слова, духовного обязательства и дела» (А. А. Горелов); «готовность прийти на помощь к другому человеку», «евангельская проповедь любви и добрых дел» (И. П. Видуэцкая); некоторая отстраненность от действительности, безмерность, несообразность, несообразность (Л. Аннинский).

Таким образом, основной чертой лесковского «праведника», на наш взгляд, является присутствие в структуре его личности особой духовной энергии, способной преобразовывать мир. В образах «праведников» ярче всего воплотилась философско-этическая концепция Н. С. Лескова, утверждающая активно-творческий потенциал человека. Вместе с тем понятие «праведничества» у Лескова не исключает вовлеченности человека в плотный материально-предметный контекст, и в этом случае актуализируется значение телесности как одной из антропологических категорий, посредством которой выражается связь человека с его «средой обитания».

В рассказе «Дама и фёфёла» перед нами предстают два характера: Зинаида и Праша. Последнюю вполне можно отнести к лесковским «праведникам»: она изменяет всю свою жизнь ради возлюбленного, для того, чтобы заботиться о нем; вступая в брак с Априелем Иванычем, честно признается, что не разлюбила литератора; живя в Финляндии, не оставляет без попечения детей-сирот; прощает и жену литератора, и Зинаиду, доставившую ей немало хлопот. Во всех этих поступках можно видеть прямодушие, искренность и целостность характера, не позволяющие ни при каких обстоятельствах отказываться от усвоенных нравственных ценностей, стремление всегда помочь ближнему: «она была хороша для всех, ибо каждому могла подать сокровища своего благого сердца» [Лесков, 1989. Т. 12. С. 93] ¹.

В «Даме и фёфёле» героини жестко противопоставлены друг другу: «Зинаида Павловна была мещанка из подгородней слободы того самого города, откуда была родом и Праша, которой Зинаида Павловна приходилась теткой и была старше ее лет на двенадцать, так что в это время, когда Праше было лет двадцать, Зинаиде Павловне уже перевалило за тридцать. “Природы” они были различной: Праша была кругленькая, боночком и посмешливая, а Зинаида Павловна – медлительная, величественная и авантажная <...> По уму и душевным своим свойствам обе женщины тоже совсем были не похожи одна на другую: Праша еще не созрела умом, но все замечала и во все вдумывалась, тогда как Зинаида Павловна ни о чем не думала <...> При этом Праша была скромница, а Зинаида Павловна – болтушка» (С. 73). Телесно-психическая антитеза характеров и судеб героинь задает сюжетную динамику рассказа.

Позже мы узнаем, что начало нравственного падения Зинаиды связано не с ее личной склонностью к распутству, а с тем, что ее «пятнадцати лет, в ужасный голодный год, тяжкая домашняя нужда, а может быть, и материнская подлость, продали купцу-мукомолу. Купец, заплатив за девчонку деньги, взял с нее что хотел, а “остальную часть” бросил» (С. 73). После этого девушка вынуждена была выйти замуж за нелюбимо-

¹ В дальнейшем ссылки на этот том приводятся в тексте. В круглых скобках указывается номер страницы.

го мужа, который ее бил, а после его смерти, оставшись без денег, переходила от одного любовника к другому, рожая от каждого по ребенку – помимо трех «законных» (С. 76). На момент знакомства рассказчика с Зинаидой, она «устроила» всех своих детей (т. е. сдала их кому-то на воспитание) и пришла жить к Праше. В начале повествования отношение читателя к Зинаиде Павловне сочувственное: жизнь в распутстве будто бы predetermined внешними обстоятельствами, что на первый взгляд «снимает» вину с героини. Мы вправе ожидать, что ее дальнейшим путем станет «духовное делание», ибо в христианской традиции не покаяться в грехе – значит совершить намного больший грех, ведь покаяние и исправление способны оправдать грешника.

Однако дальнейший жизненный путь героини сводится к бесконечной смене любовников и появлению на свет многочисленных детей, которых она все так же бросает на произвол судьбы. Поселившись у Праши и имея возможность зарабатывать на жизнь честным трудом, Зинаида совсем не думает о будущем своего потомства. В конце концов «дети удивили Зинаиду Павловну тем, что они начали подрастать один вслед за другим, чего мать их совсем не ожидала и совершенно растерялась от этой неожиданности. Она делала все, что могла: плакала и молилась на коленях, но дети все-таки оставались “без предела” <...> Чтоб избавиться <...> от детей, Зинаида Павловна готова была выпить самую злую отраву и даже раз выпила пузырек нашатырного спирта» (С. 80). Нравственное безразличие Зинаиды влечет за собой подчинение ее личности силе плотского начала.

Плотская энергия – разрушительная, темная и бессознательная. Деструктивная сила плотского начала направлена не только на нравственно-этическую сущность ее носителя, но и вовне, в окружающий мир. Отказ от собственных детей имеет философский и символический смысл. Дитя – «плоть от плоти» – продолжение собственного тела. Наличие детей, потомства естественно и необходимо в биологическом смысле, наличие наследников (тех, кому человек передает свой этический, мировоззренческий, социальный, интеллектуальный опыт) – естественно и необходимо в психологическом и социальном планах. Отсутствие у человека детей в большинстве культур рассматри-

вается как ущербность, несовершенство [Чеснов, 2007. С. 116]. Христианско-народное мировоззрение полагает отсутствие детей Божьим наказанием, а их наличие – Божьим даром.

Противопоставление характеров «двух фефёл» – Зинаиды и Праши – реализуется и в различии их отношений к детям. Праша – преданная мать. Именно ради того, чтобы можно было воспитывать сына, Праша решается на открытие прачечной и много работает. Она заботится и о будущем первенца и о будущем двух следующих детей от мужа Апреля Иваныча. Постарев и продав свою прачечную, женщина переезжает в Финляндию, где «обмывала и обшивала выкармливаемых крестьянами подкидышей воспитательного дома» (С. 90). Отношение героини к детям полярно противоположно тому, что демонстрирует Зинаида.

«Телесное» в структуре характера «праведницы» Праши, будучи началом естественным, органическим, созидающим, дополняет духовное. Духовное свидетельствует о творческом мировосприятии «человека Лескова». Наличие созидательной энергии – обязательное условие «праведничества». Если к созидательной энергии духа прибавляется созидательная энергия тела, появляется тип гармоничной личности. Что касается плотского в человеке, то его наличие – показатель отсутствия творческой силы духа человека. Плотское греховно и разрушает не только окружающий человека мир, но и его самого, в первую очередь его дух.

Таким образом, Праша и Зинаида являют собой два полюса категории телесности: Зинаида характеризуется порочным и деструктивным «плотским» началом, Праша – светлым и созидательным «телесным». Повторим, что под «телесным» у Лескова понимается позитивная созидательная энергия, характеризующая «положительных» персонажей, оказывающаяся в гармонии с духом и помогающая утверждению цельной личности. «Плотское», в свою очередь, – это деструктивная энергия. Она тоже направлена в мир, но несет зло и разрушение. Кроме того, она является деструктивной и для духа «плотского» человека. «Плотское» связано с понятием греха, борение с которым требует от человека немалых нравственных сил. Понятие «плотское» мы применяем при описании отрицательно оцениваемых проявлений телесности, а именно – неумных желаний

(чревоугодие, пьянство, любострастие). Гармония телесности и духовности в человеке является условием самореализации человека. Направленность творческой энергии в мир – признак «идеального» человека. Это и утверждает в своих произведениях Н. С. Лесков.

Список литературы

Аннинский Л. А. Три еретика. М.: Книга, 1988. 350 с.

Видуэцкая И. П. Прошлое и настоящее в художественном мире Лескова // Лесков и русская литература. М.: Наука, 1988. С. 76–94.

Видуэцкая И. П. Об атмосфере художественного мира Лескова // Русская словесность. 1995. № 6. С. 25–28.

Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л.: Наука, 1988. 294 с.

Коньшев Е. М. Тема «праведника» в творчестве А. И. Левитова и Н. С. Лескова // Творчество Н. С. Лескова: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Г. Б. Курляндской. Курск, 1988. С. 125–128.

Тюхова Е. В. О психологизме Н. С. Лескова. Саратов, 1993. 106 с.

Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М., 2007. 213 с.

Список источников

Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 12.

Материал поступил в редколлегию 01.11.2012

M. V. Gess

CORPORALITY AS AN LITERARY CATEGORY AND ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF «PRAVEDNIK» IN N. S. LESKOV'S WORKS

The paper makes an attempt to approach the «pravednik» (just, righteous man) conception of Leskov's works in terms of literary anthropology. The author performs a careful analysis of «Dama and Fefyola» (The Lady and the Simpleton) story as a striking example of realization of corporality category exposed in aspects of literary anthropology and poetics.

Keywords: human image, corporality (as a literary category), «pravednik», ethical program.